

Через четыре часа (кинематографисты, когда нужно, умеют быть весьма оперативными) сценарий у меня. Мои предположения подтверждаются — группа находится в Ярославле, вся техника, все актеры на месте, а исполнителя главной роли нет.

Дело серьезное. Надо срочно прочесть сценарий и дать ответ.

Читаю — и прихожу в полное недоумение. Какую роль мне предлагают?

Почетный колхозник, старый гончар Михаил Лукич Болотников, всю жизнь «ляпавший» горшки, не подозревал, что он художник. Человек удивительной скромности, чистой и нежной души, центральный положительный персонаж фильма.

И предлагают играть мне. Мне! После 50 лет различных злодейств на экране...

Правда, были у меня и положительные роли. Так, в картине «Веселая канарейка» (1929 год) я играл большевика-подпольщика. В картине «Северная повесть» (через 31 год!) я играл Жака Нинэра, капитана французского судна, помогавшего декабристу бежать от царского суда. А в картине «Выстрел в тумане» я даже играл небольшую роль советского разведчика. Но ведь

АКТЕРЫ И РОЛИ

ЗВОНОК ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ

Андрей ФАИТ

меня и пригласили-то на эту роль, чтобы зрители глубоко поверили в мою причастность к диверсионной шайке и лишь потом убедились в своей ошибке. И это все.

В остальных же фильмах я стрелял из автоматических пистолетов всех систем, пользовался тайными фотоаппаратами и фальшивыми документами. Я организовывал заговоры и руководил шпионажем и диверсиями.

На экране я ни разу просто и ласково не посмотрел на своего партнера, ни разу не поцеловался с женщиной (если да, то только насильно), и если на моих губах порой появлялась улыбка, то она могла быть лишь иронической, наглой, «леденящей».

Ну, так как же все-таки быть? Ведь сейчас надо дать ответ.

Звонит постановщик фильма Вадим Дербенев:

— Ну как?.. — и я чувствую в голосе режиссера беспокойство.

Вот тут и пришлось мне ответить: этого я никогда не пробовал. Мне нравится сценарий, нравится роль, но могу ли я ее сыграть — не знаю.

— Выезжайте, — сказал режиссер.

Постановщик фильма Вадим Клавдиевич Дербенев ранее был оператором. Отличным оператором. Затем перешел на режиссерскую работу. Он обладает тем, что необходимо режиссеру, — своим видением вещи. И я прежде всего благодарен ему за режиссерское мужество — предложить мне роль Михаила Лукича, для этого надо идти совсем непроторенным путем. Надо видеть в актере возможности, которые тот, быть может, сам не подозревает. И надо быть по-настоящему уверенным в правильности выбора — провал этой роли равносителен провалу фильма.

С ходу, прямо в номере гостиницы, пробуем грим — через день съемки. Одни усы, другие, третьи. Нет, не то. Грумер фильма, молоденькая, но уже опытная Наташа Коротун, волнуется. Она знает меня, но видит в первый раз. Нет предварительных заготовок. Борода. Одна, другая. А если к этой бороде вот эти усы? Так. Теперь еще подсесть волосы. Взлохматить брови. Морщины не надо, благо своих достаточно. Вот,

кажется, то, что нужно. И когда я пристально всмотрелся в зеркало, я увидел русское, строгое, но доброе, может быть, даже чуть иконописное лицо. И я начал верить, что все может получиться.

Первый съемочный день был волнующим. Два руководящих работника объединения «Экран» Московского телевидения, осуществлявшего картину, естественно, обеспокоенные, прибыли на место съемок, чтобы воочию убедиться, не совершает ли режиссер непоправимой ошибки.

Материал первого съемочного дня был затребован в Москву для проверки и на просмотр. Меня утвердили.

Утвердили — это отлично. Но впереди у меня пятьдесят съемочных дней. Хватит ли умения донести до зрителя всю тонкость чувств Лукича, его отношение к жене, другу, к приехавшим столичным кинохроникерам? Его робость и возвращенную уверенность? Хватит ли просто моих сил?

Вадим Дербенев взял на себя по отношению ко мне примерно такую роль, какую ведет в картине по отношению к Лукичу друг его Макара. Главное, вернуть актеру уверенность, когда того охватывают сомнения. Вернуть ему веру в свои возможности, в то, что он на правильном пути. А если, по мнению режиссера, актера начинает тянуть «не туда», то мягко, по возможности незаметно выправить линию роли.

За все время работы над фильмом я не прочел ни одной книги. Я засыпал со сценарием в руках. Даже не узнавал, какая сцена намечена на завтра. Это было бы безразлично — я мог начать с любого места.

Ярославль — древний русский город. В редкие свободные часы я бродил по набережной Волги, любовался старинными храмами. Я смотрел на это чудо «Золотого кольца» русского зодчества, а думал о деревне Пеньки и о судьбе своего Лукича.

Мне легко работалось не только с группой в кинематографе, но одним из ведущих актеров Ярославского академического театра имени Волкова С. Тихоновым и с актерами московских театров А. Кузнецовым и Э. Марцевичем, опытными кинематографистами.

Сейчас все это позади. И жара, когда после восьми часов съемки в наклеенной бороде после душа в гостинице понемногу приходишь в себя. И холод — мы работали на природе до заморозков, когда сниматься в одной рубашке становилось подлинным мучением, когда с края кадра стоит костюмерша, готовая накинуть пальто. «Готово? Раздевайте актеров!» — с тебя снимают пальто, ты дрожишь. «Мотор!» — и надо унять дрожь, а может быть, и вытереть воображаемый пот, выступивший от воображаемой жары. «Стоп. Еще дубль. Поправьте угли в приборах.» — «Можно одеться?» — «Нет-нет, одну минуточку». Проходит пять минут. «Можно одеться?!» — «Одевайтесь.» — «Раздевайтесь!» — «Мотор! Стоп! Пятисотку — левее луч, еще левее. Мотор! Стоп. Слишком далеко зашли, там вы не в кадре. Оденьте актеров! Поправьте грим. Готово? Раздевайте! Мотор!» Нет, кинематограф — это далеко не всегда «сладкая жизнь».

Позади и волнение первого просмотра готового фильма, когда ты еще не знаешь, все ли твои сцены сохранились при монтаже и как они смотрятся в общем потоке картины. И то место в роли, которое тебе особенно дорого, и то, что тебе не удалось, но сейчас уже поздно, сделать ничего нельзя, и вот оно приближается, и стискиваешь зубы, и хочешь отвернуться, но вот прошло, и дальше, и дальше, вот теперь хорошо, еще одна сцена. Конец. Свет в зале. Можно вздохнуть, выйти, жадно закурить.

Сейчас все это позади.

Фильм дважды прошел по телеэкранам. Мы надеемся, что он будет повторен.

Случилось так, что работа над этой картиной совпала с моим семидесятилетием и пятьдесятю годами работы в кино. И если бы у меня сейчас брали интервью, то на последний, стереотипный вопрос: «Ваши планы на будущее?» — я бы ответил: «У актеров кино, за редким исключением, планов не бывает. Бывают надежды».

Ну, а надежды иногда сбываются.

Порой даже самые фантастические.